

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№1
2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Д.Ш. Гогохия	
От теории денег к теории и практике банковского дела	7
А.И. Волынский	
Панинституционализм и институциональная теория реформ	21

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.М. Ефимов	
Три видения социальных порядков, сложившихся на Западе и в России (ответ С.Г. Кирдиной-Чэндлер)	31

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.В. Верников	
Патернализм государства и гарантирование банковских вкладов.....	46
А.И. Яковлев	
Первый среди равных (Fedcoin как форма CBDC)	61

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Э.Н. Соболев	
Человеческий капитал: взгляд со стороны экономической теории К. Маркса	70
Г.Д. Гловели	
Дилеммы политэкономии мануфактурного периода	77

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.А. Лукьянова	
Политические режимы, коррупция и конституционализм	92
А.В. Одинцова	
Общественный локальный интерес как фактор современного пространственного развития	106

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А.В. Мамаев	
Дискуссия о муниципальных налогах в начале XX в.: возможная, но не реализованная финансовая реформа в имперской России	119

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П.А. Ореховский	
Топосы отечественного институционализма и структурной динамики (О творчестве профессора О.С. Сухарева)	136

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.В. Верников

д.э.н., в.н.с. Института экономики РАН, Москва

ПАТЕРНАЛИЗМ ГОСУДАРСТВА И ГАРАНТИРОВАНИЕ БАНКОВСКИХ ВКЛАДОВ¹

Аннотация. Автор утверждает, что теоретические обоснования необходимости гарантий по банковским вкладам включают аргументы патерналистского характера и этим схожи с теориями мериторных благ и опекаемых благ. Непосредственное участие государства в создании систем защиты вкладов и расходование государственных средств на поддержание их платежеспособности также служат доводом в пользу анализа защиты вкладов под таким углом зрения. Общественный выбор относительно защиты вкладов делался под воздействием групповых интересов, хотя и под прикрытием патерналистских установок. Российское общество привыкло к государственному патернализму и поэтому положительно восприняло новый институт. Гарантирование вкладов привело к перераспределению богатства от государства к частному сектору и от одних категорий вкладчиков и банков к другим. Действие системы гарантирования вкладов сместило в России институциональный баланс между социально-экономическими институтами патерналистского характера и рыночного характера, причем в пользу первых. По мнению автора, в случае гарантирования вкладов можно говорить не только о качестве институционального дизайна, но и об ошибке общественного выбора, заключающейся в подмене цели, ради которой институт создается.

Ключевые слова: государство, гарантирование вкладов, институт, патернализм, общественный выбор, институциональный дизайн, банки, Россия, перераспределение, мериторные блага.

JEL: B52, D78, E65, G21, G28, H41, P35.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10104

Введение

Цель данного текста – рассмотреть гарантирование банковских вкладов сквозь призму теорий мериторных благ и государственного патернализма. У общества в целом могут быть потребности, несводимые к потребностям индивидуальных членов общества [Рубинштейн, 2009], а государство как выразитель общественного интереса может иметь свое представление о желательном уровне потребления некоторых особых товаров и услуг, даже если текущий спрос на них недостаточен. Такие товары и услуги именуются мериторными благами [Musgrave, 1987].

Сюда попадает в первую очередь то, что связано с развитием человека, а именно здравоохранение, образование, культура и наука, но не сфера личных сбережений. Между тем институт защиты частных банковских вкладов, широко распространенный в современной экономике, имеет социальное измерение: в поле его действия попадают все те, у кого есть счет или вклад в банке, т.е. значительная часть взрослого населения страны. Неурядицы с банками могут обострить социальную и даже политическую ситуацию. Как

¹ Автор благодарит А.И. Волынского, М.С. Круглову, А.Я. Рубинштейна, Т.В. Чубарову и участников конференций и семинаров в Институте экономики РАН, НИУ ВШЭ и WINIR (Лунд, 2019) за комментарии и предложения.

и в случае с гуманитарной сферой, государство играет ведущую роль в создании данного института и расходует общественные средства на поддержание его жизнедеятельности. Но действительно ли в сфере частных сбережений удовлетворяется специфическая общественная потребность, и как формируется нормативный стандарт потребления данного блага, который может отличаться от предпочтений отдельных индивидуумов?

Не отрицая априори необходимость государственного вмешательства в данную сферу, я пытаюсь разобраться в том, являются ли известные недостатки и издержки гарантирования вкладов результатом ошибок общественного выбора в отношении данного института (например, подмены цели) либо результатом ошибок при его внедрении и настройке режима действия. В число более конкретных задач, решаемых в статье, входит рассмотрение теоретических и политических мотивов участия государства в гарантировании банковских вкладов, выявление направленности гарантирования вкладов в России и значения патерналистских мотивов, постановка вопроса о перераспределении общественного богатства вследствие гарантирования вкладов, а также о воздействии гарантирования вкладов на институциональную динамику России. Эти задачи предопределили дальнейшую структуру текста.

1. Общественный интерес, государство и гарантирование вкладов

В работах по экономической теории в общем виде сформулированы критерии того, какие товары и услуги относятся к мериторным. Потребление мериторных благ отвечает долгосрочным интересам экономики и общества, хотя частный спрос на них невысок, т.е. совокупная общественная польза, особенно в долгосрочном плане, может превышать сумму индивидуальных полезностей. Поэтому государство своим финансированием стимулирует спрос на мериторные блага до некоего желательного уровня, который само же и определяет [Musgrave, 1987]. Какая здесь связь с защитой банковских вкладов?

Проблематика защиты вкладов в литературе по финансам и банковскому делу обычно рассматривается в контексте ликвидности банков и системного риска. Любому банку, который использует привлеченные от вкладчиков средства для вложения в активы с неабсолютной ликвидностью (прежде всего в кредиты), грозит «набег» со стороны вкладчиков, т.е. одномоментное изъятие большого числа вкладов, часто вызываемое субъективными причинами. В итоге потери от краха банка несут все стороны и даже посторонние лица. Лейтмотив концепций гарантирования вкладов² заключается в том, что из-за высоких общественных издержек банковского кризиса обществу следует обезопасить банки от угрозы «набега» вкладчиков [Bryant, 1980; Diamond, Dybvig, 1983; Keely, 1990; Calomiris, 1999; Allen et al., 2015]. Как видим, теоретические обоснования гарантирования вкладов исходят из якобы нерационального поведения людей, что сближает их с аксиоматикой традиционной теории мериторных благ [Musgrave, 1987] и современных концепций государственного патернализма [Капелюшников, 2013а; Капелюшников, 2013б; Либман, 2013; Чубарова, 2017; Рубинштейн, 2018]. Нерациональность в данном случае состоит в том, что вкладчики склонны к панике и стадному поведению и поэтому забирают вклады из банка, относительно которого возникли сомнения или прошла негативная информация.

Гарантии успокаивают вкладчиков, у которых снижается вероятность потери сбережений, и их банки, которые теперь меньше опасаются «набега». Гарантирование вкладов воздействует на решение вкладчика относительно своих средств – хранить ли их в том

² К моменту появления в США системы страхования вкладов национального масштаба (1933 г.) экономическая теория еще не создала для нее солидного обоснования, и ее введение было чисто политическим решением. Наиболее известные теоретические работы на данную тему появились значительно позднее, так что рационализация участия государства в защите частных банковских вкладов произошла пост-фактум.

или ином банке или изъять. Уменьшается склонность вкладчиков к панике, подавляется желание срочно изъять свой вклад из банка. Это созвучно теории о необходимости корректировать нерациональный выбор отдельных людей и, по выражению Р. Талера, «подталкивать» (nudge) их к «правильному» поведению, а именно оставлению своих вкладов банке. Такой подход органично вписывается и в современные концепции патернализма, которые опираются на успехи экспериментальной и поведенческой экономики [Thaler, Sunstein, 2003; Капелюшников, 2013а; Капелюшников, 2013б; Белянин, 2018]. Заметим, что негативная информация о банке может соответствовать действительности, и тогда изъятие средств из такого банка стало бы как раз рациональным поведением, а гарантирование вкладов – механизмом, подавляющим естественную реакцию экономических акторов и разрушающим механизм рыночного дисциплинирования [Demirgüç-Kunt, Huizinga, 2004].

При обосновании введения гарантий по банковским вкладам всегда звучит мотив заботы о мелких вкладчиках, «простых людях», которым предположительно не хватает информации, воли и ресурсов, чтобы оценить некоторые общественные блага [Musgrave, 1987]. В нашем случае речь, видимо, идет о способности разобраться в надежности банка, которому человек намерен доверить свои средства. Этот аргумент представляется уязвимым. В отличие от большинства «доверительных услуг», качество которых сложно оценить заранее, при выборе банка его качество, – а, значит, и свои риски, – оценить возможно. В эпоху интернета для получения нужной информации требуются небольшие усилия и затраты; было бы желание. Финансовая отчетность банков теперь является общедоступной, а ее достоверность повышается. Есть разные признаки, позволяющие адекватно оценить риски банка – например, предложение завышенных процентных ставок по вкладам. Вкладчики воспринимают процентную ставку по депозитам как отражение ненаблюдаемого риска банка, и чем слабее банк, тем более высокую ставку он готов предложить [Ungan et al., 2008; Karas et al., 2010].

Важно выяснить, в чем именно может заключаться функция общественной полезности, которую призвано выполнить гарантирование вкладов. Потребностями общества, которые государство берется здесь удовлетворить, являются вовлечение частных сбережений в финансовый сектор и одновременно предотвращение системного банковского кризиса, который может возникнуть из-за недоверия вкладчиков к своим банкам. Минимизация потерь отдельных граждан и сокращение их издержек при смене банка остаются их частным делом. Однако отсутствие финансовой стабильности наносит ущерб и обществу в целом, и в попытке минимизировать свои издержки от краха банков общество готово пойти на вмешательство в сферу частных сбережений. Общей же пользе отвечает рост частных сбережений и их стабильность, что соответствует по смыслу одному из признаков мериторного блага. Так мериторным благом или опекаемым благом³, претендующим на заботу общества, оказывается банковская услуга по хранению сбережений физических лиц. Управление риском ликвидности в частных банках фактически вводится в круг общественных интересов, а издержки решения этой проблемы перекладываются на все общество.

Природа мериторного блага предполагает, что общество делает сознательный выбор относительно его распределения и использования. Сегодня в основном лишь приверженцы либертарианских взглядов позволяют себе утверждать, что прямые и косвенные издержки от гарантирования вкладов государством превышают выгоды, и что государство не должно участвовать в финансировании таких систем; они должны быть частными и добровольными [Hogan, Luther, 2014; Hogan, Johnson, 2016; Hogan, Luther, 2016]. Судя по тому, что системы защиты вкладов есть более в 100 странах мира, общество обычно выбирает вовле-

³ «Опекаемые блага» – любые товары и услуги, в отношении которых имеется общественный интерес; производство и потребление которых связано с государственной деятельностью [Рубинштейн, 2009].

чение государства в сберегательную сферу. Правда, этот общественный выбор делается под сильным политическим давлением извне и изнутри каждой из стран [Calomiris, Jaremski, 2018]. Отражает ли это силу банковского лобби в общественно-политических структурах и/или иные факторы – тема для отдельного исследования.

Гарантирование вкладов вводится в обычном законодательном порядке, однако последующие расходы общественных средств могут происходить и «по факту», как было при вливании Банком России недостающих средств в систему страхования вкладов, по поводу которого решения принимались в исполнительном порядке, минуя стандартные бюджетные процедуры. Объем ресурсов, которые могут потребоваться для таких целей, заранее неизвестен.

Гарантирование вкладов стало одной из подсистем государственного регулирования банковской деятельности [Bart et al., 2013]. При этом, строго говоря, система защиты вкладов может быть не государственной, а частной или преимущественно частной, и такие примеры экономическая история знает, начиная с XIX в. в США [Евстратенко, 2009]. Однако в современных условиях мало какая из 112 существующих национальных систем защиты вкладов обошлась без участия государства [Demirgüç-Kunt et al., 2015]. Что касается конкретных параметров, то здесь есть широкий выбор вариантов. Исследователи Всемирного банка предложили оценивать степень щедрости систем защиты вкладов с помощью композитного «индекса защищенности» (safety net index – SNI), рассчитываемого методом главных компонент через оценку отдельно каждого параметра с точки зрения того, какой вариант предоставляет вкладчикам бóльшую защищенность [Demirgüç-Kunt et al., 2015]. В упрощенном виде щедрость системы страхования можно выразить через соотношение максимального размера страхового возмещения с годовым ВВП на душу населения или средним размером заработной платы.

«Индекс защищенности» (SNI) пришел на смену «индексу поощрения вкладчиков к недобросовестному поведению» (moral hazard index) [Demirgüç-Kunt et al., 2008]. Гарантирование вкладов непрерывно подрывает рыночную дисциплину и производит «*moral hazard*» [Demirgüç-Kunt, Huizinga, 2004; Allen et al., 2015; Calomiris, Jaremski, 2018], т.е. поощряет недобросовестное и безответственное поведение граждан и финансовых учреждений, выходящее за рамки разумной осторожности и морально-этических норм. Частные вкладчики, чьи вклады гарантированы или застрахованы, перестают интересоваться финансовым состоянием и деятельностью своих банков. Это подрывает рыночную дисциплину, то есть готовность и способность вкладчиков «наказывать» рискованные банки оттоком вкладов [Martínez-Pería, Schmukler, 2001], поощряет иждивенчество и безответственность.

Эффект «*moral hazard*» чаще всего навлекает на гарантирование вкладов критику ученых-экономистов, порой весьма жесткую⁴. При этом, правда, в рамках экономического мейн-стрима сам смысл существования данного института ставится под вопрос крайне редко, хотя данный вопрос напрашивается. Рекомендации ограничиваются корректировкой системы стимулов для минимизации недобросовестного поведения банков и вкладчиков.

2. Гарантирование вкладов в России: патернализм или иные мотивы?

Гарантирование вкладов официально появилось в России в конце 2003 г.,⁵ хотя и не было предопределено обстоятельствами того периода и произошло под влиянием субъективных факторов [Верников, 2019]. А первые попытки ввести гарантии по вкладам предпринимались уже в первой половине 1990-х гг. [Кротов, 2009]. В тот период наиболее чув-

⁴ Одна из статей на эту тему называется: «Расхищение вкладов» [Calomiris, Jaremski, 2018].

⁵ О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации: Федер. закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ.

ствительными темами для широких слоев населения были: потеря рублевых сбережений из-за инфляции, быстрое обесценение национальной валюты и деятельность мошеннических небанковских организаций типа финансовых «пирамид». Перечисленные проблемы гарантирование банковских вкладов решить не могло. 63% вкладов населения находилось в Сбербанке, т.е. и так под гарантией государства, а вклады в частных банках были невелики и социальную напряженность не создавали.

Ни финансово-экономический блок правительства, ни центральный банк не были основным инициатором введения гарантий по вкладам; скорее, наоборот. Эта роль принадлежала небольшой группе депутатов Государственной думы, пользовавшихся поддержкой части экспертов, руководства банковских ассоциаций, представителей зарубежных центральных банков, правительств и международных организаций. Публично озвучивались такие цели, как защита вкладчиков, перевод сбережений из наличной формы в безналичную, приток сбережений в банки, прежде всего частные, преодоление недоверия к ним, повышение их конкурентоспособности, разрушение монополии Сбербанка России и даже содействие «расчистке» банковского сектора [Кротов, 2009]. Есть основания предполагать, что были и субъективные мотивы, включая добросовестное желание скопировать опыт «передовых» стран, стремление усилить частные коммерческие банки и найти для себя новую сферу деятельности [Верников, 2019]. Если бы эта задача имела лишь макроэкономическое измерение (перевести сбережения из наличной формы в безналичную), то с нею могло бы справиться и крупнейшее депозитарное учреждение (Сбербанк), остававшееся под контролем государства.

Аргументы патерналистского характера звучали достаточно отчетливо. По словам одного из ключевых руководителей банковского надзора и регулирования в тот период, «рядовые клиенты банков – это пассивное большинство, и их материальные интересы следует охранять не только из соображений общего гуманизма, но и в целях поддержания устойчивости банковской системы» (цит. по: [Кротов, 2009. С. 77]). Общественный запрос на заботу со стороны государства ощущался отчетливо ввиду разгула псевдорыночной стихии в финансовой сфере и понесенных населением потерь. Как в 1990-е гг., так и по сей день в массовом сознании живет надежда на государственную опеку, помощь и покровительство, а также стремление переложить ответственность за свои решения на чужие плечи [Нуреев, Латов, 2017. С. 167]. Выигрышная для политика тема «защиты простого вкладчика и заботы о его интересах» находила отклик у избирателей и присутствовала в предвыборных документах одного из основных инициаторов введения гарантий, а также поднималась представителями оппозиционных партий, склонными к популизму [Кротов, 2009. С. 105, 244].

Инициаторы введения гарантий по вкладам в России учли этот общественный запрос, выбрав соответствующий дизайн системы. Система страхования в стране единая; ее администратором является государство в лице специально созданной госкорпорации «Агентство по страхованию вкладов» (АСВ); членство в системе обязательно для всех банков, работающих со средствами населения; в пределах лимита вклад компенсируется полностью; государство участвует в фондировании системы совместно с банками и пополняет ресурсы системы при их нехватке. Теоретически возможны и более «жесткие» параметры⁶, но по большинству позиций были выбраны такие, которые повышают защищенность и комфорт для вкладчика. Заметим, что дизайн системы определялся в России самостоятельно, в отличие от многих стран, несвободных в своем выборе⁷.

⁶ Например, лимит компенсации потерь мог бы применяться ко всем вкладам данного вкладчика во всех банках страны, а не в каждом банке, как сейчас. Задача защиты мелких вкладчиков при этом вполне решалась бы.

⁷ Для стран Центральной и Восточной Европы их членство в Европейском союзе предопределило параметры системы гарантирования вкладов и сам факт ее наличия в силу обязательности комплекса правовых институтов (*Acquis Communautaire*) и независимо от местных условий и пожеланий.

Предполагаю, что патерналистская риторика прикрывала протекционистский мотив – обеспечить ресурсами новые частные банки, причем за счет Сбербанка. В пользу этой гипотезы говорят данные банковской статистики: после введения страхования вкладов удельный вес частных банковских учреждений увеличился и достиг пика (35%) к началу 2008 г., тогда как доля Сбербанка сокращалась (рассчитано автором по данным Банка России).

Выборочный протекционизм по отношению к недавно возникшим частным банковским учреждениям свидетельствует о *нецелевом использовании*⁸ *гарантирования вкладов, т.е. о подмене цели, которую провозгласило общество, делая свой выбор. «Классическая» логика этого института требует предотвращать «набеги» лишь на хорошие надежные банки, незаслуженно пострадавшие из-за нерационального поведения вкладчиков. В России же страхование вкладов ввели для того, чтобы завести частные сбережения в банки, изначально не пользующиеся доверием по объективной причине своей ненадежности и отсутствия деловой репутации* [Верников, 2018а]. Это в значительной мере удалось: хотя доверие собственно к частным банкам осталось низким [Ибрагимова, 2015], но вкладчики тем не менее стали готовы разместить там свои средства [Ibragimova et al., 2015] – правда, чаще всего в размере, не превышающем застрахованную сумму.

Гарантирование вкладов в сочетании с санацией проблемных банков изменило поведение вкладчиков, которые теперь в меньшей степени склонны поддаваться панике при появлении негативной информации о банке, что позитивно. С другой стороны, вкладчики перестали интересоваться финансовым состоянием банка, которому они доверяют свои сбережения. Интерес частных вкладчиков к величине собственных средств (капитала) российских банков заметно ослабел после введения страхования [Chernykh, Cole, 2011]. Этот обезболивающий или отупляющий («numbing») эффект сохранился даже во время кризиса [Karas et al., 2013]. Поведение вкладчиков ставит под сомнение теоретический исходный посыл о том, что индивидуум не в состоянии разобраться в качестве банка. Стремление получить дополнительную выгоду за счет повышенных процентных ставок в слабых банках, не превышая при этом лимита возмещения, оказалось вполне рациональным, чего нельзя сказать о создателях такой системы, поощряющей оппортунизм за счет общества.

3. Перераспределение общественного богатства

Обычно декларируется, что гарантирование вкладов защищает в первую очередь мелких массовых вкладчиков. Однако в России лимит возмещения (1,4 млн руб.) в 7 раз превышает среднюю величину сберегательного вклада, которая, по данным «РИА Рейтинг», в конце 2019 г. составила 200 тыс. руб.⁹ (медианная величина вклада еще меньше). Поэтому преимуществами страховой защиты в наибольшей мере воспользовалась относительно обеспеченная часть вкладчиков, прежде всего в крупных городах. Об этом свидетельствует средний размер фактически выплаченного страхового возмещения, который вырос с 66 тыс. руб. в 2005 г. до 634 тыс. руб. и 528 тыс. руб. в 2017 г. и 2018 г., соответственно (рассчитано автором по данным [Годовой отчет Государственной корпорации, 2019]). У наиболее уязвимых слоев населения сбережений в таком размере просто нет.

Гарантирование вкладов в России запустило перераспределение богатства от одних вкладчиков к другим, от одних банков к другим и от государства к другим участникам

⁸ О нецелевом использовании института см. [Полищук, 2008].

⁹ Величина среднего депозита сильно (до 100 раз) варьирует в зависимости от субъекта Федерации. Самый высокий показатель в Москве (822 тыс. руб.), но, если его исключить, то средняя по стране сразу падает до 142 тыс. руб. В девяти регионах средняя величина составляет менее 50 тыс. руб. (ria.ru/20191125/1561126844.html).

экономических отношений по поводу гарантирования вкладов. Перераспределение – это одна из основных форм интеграции хозяйства, а в некоторых общественных системах даже преобладающая форма [Polanyi, 2001]. Дизайн системы страхования вкладов, как и любой страховой схемы, тоже подразумевает солидарность и перераспределение. Но какое именно перераспределение, от кого к кому?

Опытные специалисты в правительстве и центральном банке и ответственные политики предупреждали: из-за преждевременного введения гарантий средства государства и сильных банков, включая Сбербанк, будут потрачены на выплаты вкладчикам слабых и недобросовестных учреждений [Кротов, 2009]. Так и случилось. С момента создания АСВ 4,1 млн вкладчиков получили страховое возмещение на общую сумму 1,95 трлн руб. (www.asv.org.ru/agency/statistical_information/). Разумеется, практически все из 500 страховых случаев по линии АСВ пришлось на частные банки, тогда как нетто-донорами системы стали государственные и иностранные банки и их вкладчики. Даже в благополучный период, пока системе страхования хватало собственных ресурсов, банки с государственным участием своими страховыми взносами формировали часть этих ресурсов, пропорциональную своей доле на рынке частных вкладов, то есть превышающую половину (в настоящее время – три четверти). Вкладчики государственных и иностранных банков недополучали часть дохода по своим вкладам, направляемую в виде обязательных взносов в фонд страхования вкладов.

Основными же бенефициарами являются вкладчики частных банков, получающие завышенные проценты по вкладам без изменения степени риска для себя, и стейкхолдеры этих банков, получившие в свое распоряжение ресурсы, на которые не могли бы рассчитывать в отсутствие гарантий по вкладам. Расцвело оппортунистическое поведение, когда вкладчик максимизирует свой процентный доход, предполагая или заведомо зная, что банк ненадежный и может скоро рухнуть, но система страхования компенсирует всю сумму. Возникло понятие «серийный вкладчик», т.е. лицо, которое раз за разом размещает депозиты под самую высокую ставку, невзирая на надежность банков, и после краха этих банков получает возмещение, став «постоянным клиентом» АСВ. Значительная часть застрахованных вкладов направляется на покрытие убытков банка либо к моменту краха выводится из банка и похищается его инсайдерами (владельцами и высшими менеджерами). Об этом можно судить по размерам отрицательного капитала таких банков [Мамонов, 2017]. Несмотря на усилия АСВ, вернуть удается лишь малую долю выведенных средств.

Случившиеся после 2015 г. один за другим несколько крупных страховых случаев вывели на пик страховые выплаты пострадавшим вкладчикам, что быстро истощило ресурсы, внесенные банками в виде страховых взносов. Это, в свою очередь, вынудило АСВ обратиться к государству за чрезвычайным финансированием. По заключенному с Банком России кредитному договору АСВ получило 842 млрд руб., направленные на выплату страхового возмещения вкладчикам (www.asv.org.ru/agency/for_press/pr/613325/) и позволившие удержать систему «на плаву».

По моим расчетам, масштабы перераспределения общественного богатства через систему гарантирования вкладов колебались в широком диапазоне – от 0,1% годового ВВП России в 2013 г. до 0,7% ВВП в 2016 г. Это самая минимальная оценка. Сопоставимые по масштабам ресурсы были направлены через учрежденный Банком России в 2017 г. Фонд консолидации банковского сектора на финансовое оздоровление нескольких крупных несостоятельных банков («Открытие», Бинбанк, Промсвязьбанк, «Траст») и не попали в страховую статистику АСВ, но тоже были потрачены в основном на выполнение обязательств перед вкладчиками и другими кредиторами этих банков. Кроме того, необходимо учитывать чистую приведенную стоимость полученных АСВ кредитов центрального банка, поскольку они предоставлены под очень низкую нерыночную ставку. Это тоже общественные средства. Донорами системы прямо или косвенно стали не только все остальные

вкладчики, но и те 24% взрослого населения страны, у которых, по данным Всемирного банка, вообще нет банковского счета (globalfindex.worldbank.org). Их интересы сделанный общественный выбор явно не учел.

Таким образом, некоторые социальные группы (вкладчики и инсайдеры частных банков) добились перераспределения общественного богатства в свою пользу, эксплуатируя общество. Критерии солидарности и справедливости не соблюдаются, так как система оказалась открытой, а не замкнутой, и потребовала вливания общественных средств. Издержки гарантирования вкладов были переложены на всех, включая граждан, у которых вообще нет банковских вкладов. Возможность извлечения асимметричных выгод дает основание охарактеризовать данный институт как «экстрактивный», используя термин [Аджемоглу, Робинсон, 2017].

4. Гарантирование вкладов и институциональная динамика

В России до 2003 г. не было формального гарантирования вкладов, однако отсутствие формального института компенсировалось неформальными: действовала продекларированная государственная гарантия возвратности вкладов в Сбербанке, пусть и не подкрепленная институциональным механизмом и финансовыми ресурсами¹⁰. К тому моменту, когда возникла тема гарантирования вкладов, институциональный баланс в стране оказался смещен: традиционные общественные институты патерналистской и протекционистской направленности уступили место индивидуализму и социальному дарвинизму. Государство ослабило заботу о своих гражданах и их опеку. Миллионы людей потеряли свои средства в «финансовых пирамидах» и больше не доверяли никому, включая недавно возникшие банки. Уже после 1998 г. маятник общественных предпочтений начал возвратное движение от вседозволенности в сторону большей дисциплины и опеки граждан со стороны государства. Это не было случайным: традиции государственного патернализма и перераспределения общественных благ имеют в России глубокие корни и воспроизводятся в том или ином виде при первой подходящей возможности [Кирдина, 2001; Нуреев, Латов, 2017; Ефимов, 2019; Плискевич, 2019]. Зато институты личной ответственности и саморегулирования участников экономических отношений традиционно слабы, плохо приживаются и требуют постоянной защиты.

В 1990-е годы Россия позаимствовала из-за рубежа много различных институтов, призванных обслуживать нарождающиеся рыночные отношения, и формальное гарантирование вкладов стало одним из них. В развитой рыночной экономике – например, на родине данного института в США – он играет роль противовеса по отношению к рыночным институтам свободной конкуренции и купирует некоторые их последствия. Вклады находятся в частных банках, а государство законодательно создает дополнительный контур безопасности (safety net) для вкладчиков и банков. Эту роль гарантирование вкладов могло бы играть и в России, но при одном важном условии: если бы сберегательные учреждения стали преимущественно частными. Предложения раздробить и/или приватизировать Сбербанк существовали [Кротов, 2010], и подобное произошло с другими «спецбанками» СССР [Schoors, 2003], но эти планы не осуществились. Сбербанк остался государственным, и введенные гарантии, по сути, продублировали уже имеющуюся ответственность государства по обязательствам государственных же банков. Именно в них хранится основная масса частных вкладов: 67,7% к началу 2004 г. и 75% к началу 2019 г. (расчет автора по данным Банка России).

¹⁰ Сбербанк не смог избежать панического оттока вкладов в 1998 г. [Pyle et al., 2012], пусть даже вызванного больше опасениями обесценения рубля, чем сомнениями в надежности банка.

При импорте институтов обычно возникают непредвиденные эффекты: блокировка, отторжение, «захват» заинтересованными сторонами, перерождение (мутация), использование не по назначению [Норт, 1997; Rodrik, 2000]. Так часто происходило и в России [Полтерович, 2001; Мау и др., 2003; Кузьминов и др., 2005; Полищук, 2008], однако как раз гарантирование вкладов легко вписалось в систему российских общественных институтов, не вступив в конфликт с ними. Появившись благодаря усилиям маленькой группы энтузиастов [Верников, 2019], новый институт затем включил в орбиту своего действия более чем 1000 банков, каждый из которых привлек новых вкладчиков, создав себе массовую базу поддержки, состоящую из значительной части взрослого населения страны. Непосредственно затронутые люди исчисляются миллионами: к концу 2019 г. количество вкладчиков, имеющих право на страховое возмещение в банках, в которых наступил страховой случай, достигло 9,4 млн человек.

Гарантирование вкладов в России эволюционирует в сторону повышения ответственности государства и защищенности клиентов банков. Максимальный размер страхового возмещения корректировался в сторону увеличения уже 4 раза; в номинальном выражении оно увеличилось в 14 раз, со 100 тыс. руб. до 1 млн 400 тыс. руб. Пропорциональное (неполное) возмещение вклада при банкротстве банка (90% суммы вклада свыше 100 тыс. руб.) действовало очень недолго и было отменено в 2008 г. по причине якобы неэффективности, хотя такое правило более справедливо разделяет ответственность и риски между вкладчиком и государственной системой. По данным АСВ, доля потенциальных выплат по гарантии в совокупном объеме застрахованных вкладов выросла с 25% в 2004 г. до 69% в настоящее время. Соотношение максимального размера страхового возмещения с годовым ВВП на душу населения (сейчас около 200%) повышается, хотя и нелинейно (рисунок). Соотношение лимита страхового возмещения с величиной среднемесячной заработной платы в российской экономике (x32) превышает условный оптимальный уровень (x20).

Благодаря вовлечению колоссальных ресурсов в систему защиты вкладов – а в нее за годы существования поступило из разных источников 2 трлн 120 млрд руб. (расчет автора по данным АСВ) – у ее бенефициаров появилась возможность продвигать свои интересы в экспертном и политическом пространстве. Ангажированные политики и лоббисты различных мастей (прежде всего представляющие частные банки) выступают за дальнейшее расширение системы гарантирования и повышение ее льготности. Гарантирование постепенно распространилось на вклады субъектов микробизнеса, средства на эскроу-счетах для покупки недвижимости, депозитные сертификаты. Регулярно инициируется обсуждение того, как охватить гарантиями все новые виды банковских обязательств. Так, в июле 2019 г. Банк России опубликовал «доклад для общественных консультаций», в котором рассматривается возможность распространения защиты уже на счета и депозиты юридических лиц, причем не только мелких и даже средних [О совершенствовании системы обязательного страхования, 2019]. (В таких случаях принято ссылаться на опыт США, где все депозиты застрахованы). Скорректировать заданную динамику трудно, тем более в российских условиях. Мировой опыт предоставляет мало примеров эволюции от большей защищенности вкладчика к меньшей, хотя некоторые страны (Россия к ним не относится) снижали лимит возмещения после завершения кризиса доверия к банкам.

Таким образом, воздействие гарантирования вкладов на институциональную динамику видится мне в том, что усиливаются институты патерналистской и перераспределительной направленности, в то время как слабеют институты личной дисциплины и ответственности индивидуума. Такая динамика не ведет к постепенному переходу к государству участия, в котором каждый несет ответственность за свою финансовую безопасность [Шестакова, 2019]. Перекалывание гражданами всех последствий своего финансового поведения на государство и общество деформирует институциональный баланс и уменьшает устойчивость системы.

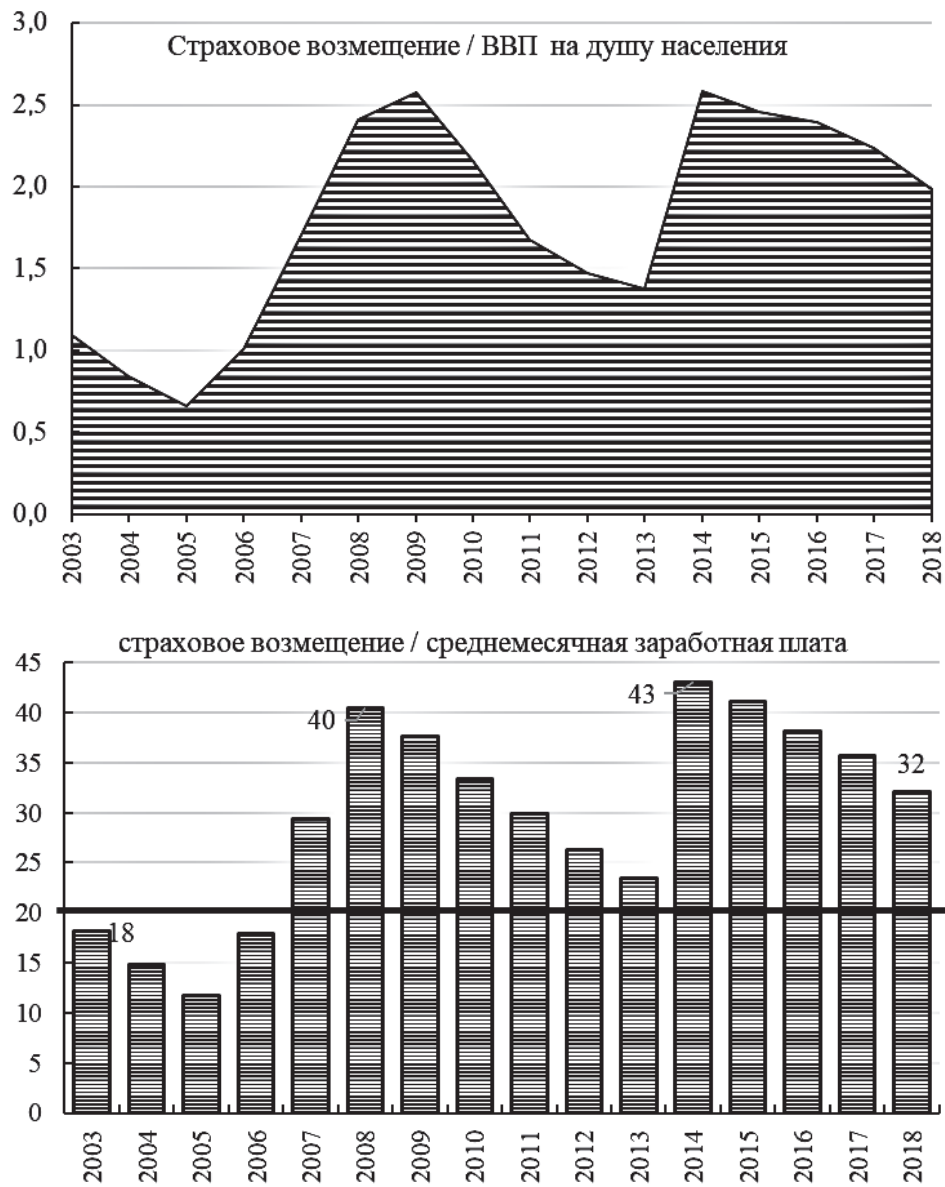

Рис. Максимальный размер страхового возмещения в относительном выражении
 Источники: Росстат; Банк России.

Заключение

Гарантирование частных вкладов является одним из элементов государственного регулирования банковской деятельности более чем в 100 странах мира, включая Россию. Его теоретическое обоснование в значительной мере совпадает с ключевой аксиоматикой теорий мериторных благ и государственного патернализма. И там, и здесь постулируется изначальная иррациональность человеческого поведения, неспособность людей принять правильное информированное решение, а также наличие представляющих общественную полезность товаров и услуг, на финансирование которых готово пойти государство с целью поддержать спрос на эти блага и их потребление. Банковская услуга по хранению сбережений де-факто вошла в число мериторных благ, даже если теоретические основания для этого зыбкие, а суждение о политической целесообразности формируется под воздействием частных и групповых интересов. Как и в отраслях гуманитарного сектора, государство непосредственно участвует в создании систем защиты вкладов и расходует средства

на поддержание их платежеспособности. Следовательно, появляются основания анализировать гарантирование банковских вкладов в контексте теорий современного патернализма наряду с образованием, культурой, здравоохранением и фундаментальной наукой. Введение данной проблематики в такой контекст было основной целью моей статьи и стало элементом ее научной новизны.

Хотя в появлении гарантирования вкладов в России не было исторической неизбежности, оно легко и бесконфликтно вписалось в местный комплекс институтов, не в последнюю очередь благодаря своей патерналистской направленности, созвучной традициям нашего «патронального» социального порядка. Выбор российского общества по данному вопросу не вызывает сомнений. Как нередко бывает с «опекаемыми благами», под прикрытием заботы о «простых людях» (мелких вкладчиках) продвигаются коммерческие и политические интересы, а именно протекционизм в пользу частных коммерческих банков, что позволяет говорить о подмене цели или нецелевом использовании нового института. Свою роль сыграли и особенности стратегии введения защиты вкладов – не после очистки банковского сектора от негодных участников, а одновременно с нею, а также сам дизайн системы страхования. В результате произошло перераспределение богатства от государства к частному сектору и от одних категорий вкладчиков и банков к другим. Кроме того, оно сместило в России институциональный баланс между социально-экономическими институтами патерналистского и перераспределительного характера, с одной стороны, и институтами прорыночной направленности (дисциплина и личная финансовая ответственность), с другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2017). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: ЭКСМО.
- Белянин А.В. (2018). Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. № 1. С. 5–25.
- Верников А.В. (2018а). Гарантирование банковских вкладов в России: нецелевое использование института или его захват? Препринт WP1/2018/01. М.: ИД Высшей школы экономики.
- Верников А.В. (2018б). Гарантирование банковских вкладов в России: дисфункция импортного института. М.: Институт экономики РАН.
- Верников А.В. (2019). Кому и зачем было нужно гарантирование вкладов? // Экономическая социология. Т. 20. № 2. С. 104–121.
- Годовой отчет Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» за 2018 год (2019). М. www.asv.org.ru
- Евстратенко Н.Н. (2009). Мировой опыт страхования вкладов // История создания российской системы страхования банковских вкладов. М.: Экономическая летопись. С. 11–26.
- Ефимов В.М. (2019). О двух типах социальных порядков // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–23.
- Ибрагимов Д.Х. (2015). Динамика доверия финансовым институтам и парадоксы сберегательного поведения населения // Банковское дело. № 12. С. 27–34.
- Капелюшников Р. (2013а). Поведенческая экономика и «новый» патернализм (Ч. 1) // Вопросы экономики. № 9. С. 66–90.
- Капелюшников Р. (2013б). Поведенческая экономика и «новый» патернализм (Ч. 2) // Вопросы экономики. № 10. С. 28–46.
- Кирдина С.Г. (2001). Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.
- Кротов Н.И. (2009). История создания российской системы страхования банковских вкладов (Свидетельства очевидцев. Документы). М.: Экономическая летопись.
- Кротов Н.И. (2010). Павел Жихарев: «Сбербанк – это банк, который может все» // Банкир.Ру. 25.01.2010. bankir.ru/publikacii/20100125/pavel-jiharev-sberbank--eto-bank-kotorii-mojet-vse-4130410.
- Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. № 5. С. 5–27.
- Либман А.М. (2013). Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // Общественные науки и современность. № 1. С. 27–38.

- Мамонов М. (2017). «Дыры» в капитале обанкротившихся российских банков: старые факторы и новые гипотезы // Экономическая политика. Т. 12. № 1. С.166–199.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2017). Экономическая история России (опыт институционального анализа): Учебн. пособие. 2-е изд., перераб. М.: КНОРУС.
- О совершенствовании системы обязательного страхования вкладов в банках Российской Федерации. (2019). Доклад для общественных консультаций. Июль 2019 г. М.: Банк России.
- Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2018 году (2019). М.: Банк России.
- Плискевич Н.М. (2019). Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь? // Вопросы теоретической экономики. № 1. С.100–115.
- Полищук Л. (2008). Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. № 8. С. 28–44.
- Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24–50.
- Рубинштейн А.Я. (2009). К теории рынков «опекаемых благ». Ст. I. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. № 1. С. 139–153.
- Рубинштейн А.Я. (2018). Теория опекаемых благ: Учебник. СПб.: Алетейя.
- Чубарова Т.В. (2017). Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода // Общественные науки и современность. № 6. С. 43–54.
- Шестакова Е.Е. (2019). Современное социальное государство: патрон или помощник? // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 104–117.
- Allen F., Carletti E., Goldstein I., Leonello A. (2015). Moral hazard and government guarantees in the banking industry // Journal of Financial Regulation. V. 1. No. 1. Pp. 30–50.
- Barth J., Caprio G., Levine R. (2013). Bank regulation and supervision in 180 countries from 1999 to 2011 // Journal of Financial Economic Policy. V. 5. No. 2. Pp. 111–219. doi.org/10.1108/17576381311329661.
- Bryant J. (1980). A model of reserves, bank runs, and deposit insurance // Journal of Banking and Finance. Vol. 4. No. 4. Pp. 335–344.
- Calomiris Ch. (1999). Building an incentive-compatible safety net // Journal of Banking and Finance. Vol. 23. No. 10. Pp. 1499–1519.
- Calomiris Ch., Jaremski M. (2018). Stealing deposits: Deposit insurance, risk taking, and the removal of market discipline in early 20th century banks // Journal of Finance. Vol. 74. No. 2. Pp. 711–754. doi.org/10.1111/jofi.12753.
- Chernykh L., Cole R. (2011). Does deposit insurance improve financial intermediation: Evidence from the Russian experiment // Journal of Banking and Finance. Vol. 35. No. 2. Pp. 388–402.
- Demirgüç-Kunt A., Huizinga H. (2004). Market discipline and deposit insurance // Journal of Monetary Economics. Vol. 51. Pp. 375–399.
- Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L. (2008). Determinants of deposit insurance adoption and design // Journal of Financial Intermediation. Vol. 17. Pp. 407–438.
- Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L. (2015). Deposit insurance around the world: A comprehensive analysis and database // Journal of Financial Stability. Vol. 20. Pp. 155–183.
- Diamond D., Dybvig Ph. (1983). Bank runs, deposit insurance, and liquidity // Journal of Political Economy. Vol. 91. No. 3. Pp. 401–419.
- Hogan T., Luther W. (2014). The explicit costs of government deposit insurance // Cato Journal. Vol. 34. No. 1. Pp. 145–170.
- Hogan T., Luther W. (2016). The implicit costs of government deposit insurance // Journal of Private Enterprise. Vol. 31. No. 2. Pp. 1–13.
- Hogan T., Johnson K. (2016). Alternatives to the Federal Deposit Insurance Corporation // Independent Review. Vol. 20. No. 3. Pp. 433–454.
- Ibragimova D., Kuzina O., Vernikov A. (2015). Which banks do Russian households (dis-)trust more? // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х кн. / Отв. ред.: Е.Г. Ясин. Кн. 4. М.: ИД НИУ ВШЭ. С. 548–556.
- Karas A., Pyle W., Schoors K. (2010). How do Russian depositors discipline their banks? Evidence of a backward bending deposit supply function // Oxford Economic Papers. Vol. 62. No. 1. Pp. 36–61.
- Karas A., Pyle W., Schoors K. (2013). Deposit insurance, banking crises, and market discipline: Evidence from a natural experiment on deposit flows and rates // Journal of Money, Credit and Banking. Vol. 45. No. 1. Pp. 179–200.
- Keely M. (1990). Deposit insurance, risk and market power in banking // American Economic Review. Vol. 80. No. 5. Pp. 1183–1200.
- Martínez-Pería M.-S., Schmukler S. (2001). Do depositors punish banks for bad behavior? Market discipline, deposit insurance, and banking crises // Journal of Finance. Vol. 56. No. 3. Pp. 1029–1051.
- Musgrave R. (1987). “Merit goods”. – in: The New Palgrave: A Dictionary of Economics. Vol. 3. Pp. 452–453.

- Polanyi K. (2001). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, 2nd ed. Boston: Beacon Press.
- Pyle W., Schoors K., Semenova M., Yudaeva K. (2012). Depositor behavior in Russia in the aftermath of financial crisis // *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 53. No. 2. Pp. 267–285.
- Rodrik D. (2000). Institutions for high quality growth: What they are and how to acquire them // *Studies in Comparative International Development*. V. 35. No. 3. Pp. 3–31.
- Schoors K. (2003). The fate of Russia's former state banks: Chronicle of a restructuring postponed and a crisis foretold // *Europe-Asia Studies*. Vol. 55. No. 1. Pp. 75–100.
- Thaler R., Sunstein C. (2003). Libertarian paternalism // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 2. Pp. 175–179.
- Ungan E., Caner S., Özyıldırım S. (2008). Depositors' assessment of bank riskiness in the Russian Federation // *Journal of Financial Services Research*. Vol. 33. No. 2. Pp. 77–100.

Верников Андрей Владимирович

vernikov@inecon.ru

Andrei Vernikov

Dr.Sc. (Econ.), Senior Research Fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vernikov@inecon.ru

STATE PATERNALISM AND DEPOSIT GUARANTEE

Abstract. The paper claims that theoretical foundations of deposit guarantee include paternalistic reasons similar to those underpinning the theories of merit goods and patronized goods. Direct involvement of the state in the establishment of deposit guarantee systems and the use of public funds to ensure their solvency also support the analysis of deposit guarantees using merit goods concept. Public choice regarding deposit protection was influenced by vested interests of elite groups, under the camouflage of paternalistic rhetoric. The Russian society accepts and embraces state paternalism, which explains the positive perception of deposit guarantee. The new institution triggered wealth redistribution: from the public sector to the private sector and from some of the banks and depositors to others. Deposit guarantee introduction in Russia shifted the institutional balance between market-enhancing institutions and paternalistic ones. It is argued that the case of deposit guarantee illustrates both a faulty public choice, due to envisaged misuse of the institution, and mistakes in institutional design and implementation.

Keywords: *state, deposit guarantee, institution, paternalism, public choice, institutional design, banks, Russia, redistribution, merit goods.*

JEL Classification: B52, D78, E65, G21, G28, H41, P35.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2017). *Pochemu odni strany bogatiye, a drugiye bedniye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nischety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. M.: EKSMO.
- Allen F., Carletti E., Goldstein I., Leonello A. (2015). Moral hazard and government guarantees in the banking industry // *Journal of Financial Regulation*. Vol. 1. No. 1. Pp. 30–50.
- Barth J., Caprio G., Levine R. (2013). Bank regulation and supervision in 180 countries from 1999 to 2011 // *Journal of Financial Economic Policy*. Vol. 5. No. 2. Pp. 111–219.
- Belyanin A. (2018). Richard Thaler i povedencheskaya ekonomika: ot laboratornykh eksperimentov k praktike podtalkivaniya [Richard Thaler and behavioral economics: From laboratory experiments to the practice of nudging] // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 5–25.
- Bryant J. (1980). A model of reserves, bank runs, and deposit insurance // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 4. No. 4. Pp. 335–344.
- Calomiris Ch. (1999). Building an incentive-compatible safety net // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 23. No. 10. Pp. 1499–1519.
- Calomiris Ch., Jaremski M. (2018). Stealing deposits: Deposit insurance, risk-taking, and the removal of market discipline in early 20th-century banks // *Journal of Finance*. Vol. 74. No. 2. Pp. 711–754.
- CBR (2019a). *Upgrading Compulsory Deposit Insurance in Russian Federation Banks*. Public consultation paper. July 2019. Moscow: Central Bank of Russia.
- CBR (2019b). *Banking Supervision Report 2018*. Moscow: Central Bank of Russia.
- Chernykh L., Cole R. (2011). Does deposit insurance improve financial intermediation: Evidence from the Russian experiment // *Journal of Banking and Finance*. Vol. 35. No. 2. Pp. 388–402.

- Chubarova T.* (2017). Paternalizm v sovremennom obschestve: ot produktovykh kartochek do bezuslovnogo dohoda [Paternalism in modern society: From grocery cards to unconditional income] // *Obschestvennie nauki i sovremennost.* No. 6. Pp. 43–54.
- Demirgüç-Kunt A., Huizinga H.* (2004). Market discipline and deposit insurance // *Journal of Monetary Economics.* Vol. 51. Pp. 375–399.
- Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L.* (2008). Determinants of deposit insurance adoption and design // *Journal of Financial Intermediation.* Vol. 17. Pp. 407–438.
- Demirgüç-Kunt A., Kane E., Laeven L.* (2015). Deposit insurance around the world: A comprehensive analysis and database // *Journal of Financial Stability.* Vol. 20. Pp. 155–183.
- DIA (2019). Deposit Insurance Agency Annual Report 2018. M.: Deposit Insurance Agency.
- Diamond D., Dybvig Ph.* (1983). Bank runs, deposit insurance, and liquidity // *Journal of Political Economy.* Vol. 91. No. 3. Pp. 401–419.
- Hogan T., Luther W.* (2014). The explicit costs of government deposit insurance // *Cato Journal.* Vol. 34. No. 1. Pp. 145–170.
- Hogan T., Luther W.* (2016). The implicit costs of government deposit insurance // *Journal of Private Enterprise.* Vol. 31. No. 2. Pp. 1–13.
- Hogan T., Johnson K.* (2016). Alternatives to the Federal Deposit Insurance Corporation // *Independent Review.* Vol. 20. No. 3. Pp. 433–454.
- Ibragimova D., Kuzina O., Vernikov A.* (2015). Which banks do Russian households (dis-)trust more? In: XV April International Academic Conference on Economy and Society (Ye. Yasin, ed.). M.: Higher School of Economics, Vol. 4. Pp. 548–556.
- Ibragimova D.* (2015). Dinamika doveriya finansovym institutam i paradoksy sberegatel'nogo povedeniya naseleniya [The dynamics of trust in financial institutions and the paradoxical saving behavior of the households] // *Bankovskoye delo.* No. 12. Pp. 27–34.
- Kapelyushnikov R.* (2013a). Povedencheskaya ekonomika i noviy paternalizm [Behavioral economics and new paternalism] (Part 1) // *Voprosy ekonomiki.* No. 9. Pp. 66–90.
- Kapelyushnikov R.* (2013b). Povedencheskaya ekonomika i noviy paternalizm [Behavioral economics and new paternalism] (Part 2) // *Voprosy ekonomiki.* No. 10. Pp. 28–46.
- Karas A., Pyle W., Schoors K.* (2010). How do Russian depositors discipline their banks? Evidence of a backward bending deposit supply function // *Oxford Economic Papers.* Vol. 62. No. 1. Pp. 36–61.
- Karas A., Pyle W., Schoors K.* (2013). Deposit insurance, banking crises, and market discipline: Evidence from a natural experiment on deposit flows and rates // *Journal of Money, Credit and Banking.* Vol. 45. No. 1. Pp. 179–200.
- Keely M.* (1990). Deposit insurance, risk and market power in banking // *American Economic Review.* Vol. 80. No. 5. Pp. 1183–1200.
- Kirdina S.* (2001). *Institucionalniye matritsy i razvitie Rossii* [Institutional Matrices and the Development of Russia, 2nd edition]. Novosibirsk: IIE SB RAS.
- Krotov N.* (2009). *Istoriya sozdaniya rossiyskoy sistemy strakhovaniya bankovskikh vkladov* [The History of the Russian Deposit Insurance System]. M.: Ekonomicheskaya letopis'.
- Krotov N.* (2010). Pavel Zhikharev: «Sberbank eto bank, kotoryy mozhet vso» [Pavel Zhikharev: «Sberbank is a bank that can do anything» // *Bankir.Ru.* 25.01.2010. bankir.ru/publikacii/20100125/pavel-zhikharev-sberbank--eto-bank-kotorii-mojet-vse-4130410.
- Kuzminov Ya., Radayev V., Yakovlev A., Yasin Ye.* (2005). *Instituty: ot zaimstvovaniya k vyraschivaniyu* [Institutions: From import to nurturing] // *Voprosy ekonomiki.* No. 5. Pp. 5–27.
- Libman A.* (2013). Socialniy liberalism, obschestvenniy interes i povedencheskaya ekonomika [Social liberalism, social interest and behavioral economics] // *Obschestvennie nauki i sovremennost.* No. 1. Pp. 27–38.
- Mamonov M.* (2017). «Dyry» v kapitale obankrotivshikh rossiykskh bankov: stariye factory i noviye gipotezy [Gaps in the capital of bankrupt Russian banks: Old factors and new hypotheses] // *Ekonomicheskaya politika.* Vol. 12. No. 1. Pp. 166–199.
- Martínez-Pería M.-S., Schmukler S.* (2001). Do depositors punish banks for bad behavior? Market discipline, deposit insurance, and banking crises // *Journal of Finance.* Vol. 56. No. 3. Pp. 1029–1051.
- Musgrave R.* (1987). “Merit goods”. In: *The New Palgrave: A Dictionary of Economics.* Vol. 3. Pp. 452–453.
- North D.* (1997). *Instituty, institucionalniye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. M.: Nachala.
- Nureyev R., Latov Yu.* (2017). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (opyt institutsionalnogo analiza)* [Economic History of Russia (An Attempt of Institutional Analysis)]. M.: KNORUS.
- Plishevich N.* (2019). Arkhaika institutov i arkhaika paternalizma: yes' li vzaimosvyaz? [Archaic of institutes and archaic of paternalism: is there a connection?] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* No. 1. Pp. 100–115.
- Polanyi K.* (2001). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, 2nd ed. Boston: Beacon Press.
- Polishchuk L.* (2008). Netselevoe ispolzovanie institutov: prichiny i sledstviya [Misuse of institutions: Causes and consequences] // *Voprosy ekonomiki.* No. 8. Pp. 28–44.

- Polterovich Vol.* (2001). Transplantaciya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutions] // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii. No. 3. Pp. 24–50.
- Pyle W., Schoors K., Semenova M., Yudaeva K.* (2012). Depositor behavior in Russia in the aftermath of financial crisis // Eurasian Geography and Economics. Vol. 53. No. 2. Pp. 267–285.
- Rodrik D.* (2000). Institutions for high quality growth: What they are and how to acquire them // Studies in Comparative International Development. Vol. 35. No. 3. Pp. 3–31.
- Rubinshtein A.* (2009). K teorii rynkov opekayemykh blag. St. 1. Opekayemiye blaga i ikh mesto v ekonomicheskoy teorii [To the theory of patronized goods markets. Art. 1. Patronized goods and their place in economic theory] // Obschestvennie nauki i sovremennost. No. 1. Pp. 139–153.
- Rubinshtein A.* (2018). Teoriya opekaemykh blag [Patronized Goods Theory]. SPb.: Aleteya.
- Schoors K.* (2003). The fate of Russia's former state banks: Chronicle of a restructuring postponed and a crisis foretold // Europe-Asia Studies. Vol. 55. No. 1. Pp. 75–100.
- Shestakova E.* (2019). Sovremennoe socialnoe gosudarstvo: patron ili pomoschnik? [Modern welfare state: Patron or assistant?] // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 2. Pp. 104–117.
- Thaler R., Sunstein C.* (2003). Libertarian paternalism // American Economic Review. Vol. 93. No. 2. Pp. 175–179.
- Ungan E., Caner S., Özyıldırım S.* (2008). Depositors' assessment of bank riskiness in the Russian Federation // Journal of Financial Services Research. Vol. 33. No. 2. Pp. 77–100.
- Vernikov A.* (2018a). Garantirovanie bankovskikh vkladov v Rossii: netslevoe ispolzovanie instituta ili yego zakhvat? [Deposit insurance in Russia: Was the institution misused or captured?]. Working Paper WP1/2018/01. M.: Higher School of Economics.
- Vernikov A.* (2018b). Garantirovanie bankovskikh vkladov v Rossii: disfunkciya importnogo instituta [Malfunction of an imported institution: The case of deposit insurance in Russia]. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.
- Vernikov A.* (2019). Komu i zachem bylo nuzhno ganantirovanie vkladov? [Explicit deposit guarantee in Russia: Who needed it and what for?] // Ekonomicheskaya Sotsiologiya. Vol. 20. No. 2. Pp. 104–121. www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100780829&tip=sid&clean=0.
- Yefimov V.* (2019). O dvukh tipakh socialinykh poryadkov [On two types of social orders] // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 1. Pp. 7–23.
- Yevstratenko N.* (2009). Mirovoy opyt strakhovaniya vkladov [International experience with deposit insurance]. In: Istoriya sozdaniya rossiyskoy sistemy strakhovaniya bankovskikh vkladov. M.: Ekonomicheskaya letopis'. Pp. 11–26.